

КОММУНИЗМ С НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

И Родина щедро пошла меня...

Евгений Агранович

Когда я училась на инязе Харьковского университета, преподавателем научного коммунизма у нас был доцент Погребняк по кличке «Гегемон». Это слово мы произносили с характерным украинским «г», несколько утрируя его южный говор. Гегемон был человеком сухим и неулыбчивым. Его смех нам так и не довелось услышать. А уж мы-то провоцировали его не раз, пока не поняли, что либо это какая-то врожденная ущербность, либо осложнение, вызванное слишком глубоким погружением в мир классиков марксизма-ленинизма. Для племени молодого, незнакомого с советским новоязом, а также для тех, кто успел с большой пользой для себя позабыть его напрочь, приведу одну цитату из учебника исторического материализма. Автор попытался вывести формулу любви, хотя многие поэты и философы сломали на этом зубы.

Итак, дышите глубже: «Любовь есть облагороженное культурой и выступающее в форме нравственно-эстетического переживания половое влечение, ведущее к браку как к единственной форме взаимного обладания, облагораживающим образом воздействующей на влюбленных». В целях защиты своей неустойчивой психики от воздействия таких вот убойных формулировок, мы создали надежную систему коллективной самообороны. Чтобы вырвать инициативу из рук Гегемона, мы сами рвались в бой, вооруженные до зубов домашними заготовками. Это была гремучая смесь из трудов классиков, отчетных докладов и лекций самого Погребняка. Семинары проходили в лучших традициях застоя с монотонным чтением докладов и их единодушным одобрением. Вопросов, как правило, не возникало. «Везло» только мне. Оторвавшись от бумажки, я могла говорить долго, но совершенно бессвязно, нагромождая слова и обрывки фраз, застрявших в памяти после многолетнего штудирования общественных дисциплин.

Однажды Погребняк прервал этот неуправляемый словесный поток фразой, ставшей впоследствии крылатой: «Ближе к Марксу!» Потом как-то он настоятельно попросил меня изложить неведомую мне теорию. Я не растерялась и тут же процитировала Гете: «Теория, мой друг, суха, а древо жизни пышно зеленеет». Это был опрометчивый поступок. Лицо Гегемона было совершенно бесстрастным. Волны молодого, жизнеутверждающего смеха разбились о холодный гранит его невозмутимого молчания. Но зло все же затаил. И вот на очередном семинаре, когда я тихо и мирно писала сочинение о творчестве Теккерея и была целиком и полностью погружена в быт английского дворянства XIX века, Гегемон вдруг попросил меня поделиться с ним своими знаниями об Интернационале. Ситуация была экстремальной, и мне оставалось рассчитывать лишь на то, что кто-то передаст мне свой конспект или откроет книгу на нужной странице. Но надо было выиграть время. Поэтому я начала свое повествование размеренно и неторопливо:

– Если мы окинем ретроспективным взглядом зарождение, развитие и становление интернационализма в историческом аспекте, внимательно рассмотрим весь спектр общественно-политических течений, вникнем в запутанные и трудноразрешимые социальные антагонизмы (конспекта все нет), ни на минуту не упуская из виду ту колоссальную напряженность, которую испытывало общество в преддверии грядущих глобальных катаклизмов, то мы можем безапелляционно заявить о типичных, характерных и ярко выраженных (конспекта еще нет, а я уже выдохлась и скороговоркой закончила) ситуативных тенденциях...

Бедный Погребняк беспокойно ерзал на стуле. Он чувствовал, что в моих словах есть сила, но связи между ними уловить не мог, а когда дело дошло до «ситуативных тенденций», он вскочил и закричал непривычно высоким голосом:

- Какие-какие тенденции?
- Ситуативные, – обреченно выдохнула я.

– Это хорошо или плохо? – не унимался Гегемон.
И тут у меня открылось второе дыхание.

– Видите ли, – сказала я проникновенно, – я бы побоялась дать однозначный ответ, так как здесь прослеживается диалектическое единство положительных и отрицательных факторов...

Семинар был сорван. Ни одно мое последующее публичное выступление не сопровождалось таким буйным и неукротимым весельем. При этом лицевые мышцы Погребняка были напряжены и неподвижны, губы плотно сжаты, а в глазах плясали злые искры. И я даже представить себе не могла, какое пламя из них возгорится. Гегемон не забыл ничего: ни отсутствия близости к Марксу, ни «древа жизни», которое, если верить Гете, «пышно зеленеет», ни пресловутых «сититических тенденций».

Месть его была страшной. Если раньше я посещала лекции по научному коммунизму лишь эпизодически, то теперь, зайдя в аудиторию, он, прежде всего, отыскивал взглядом меня и просил кратко (и без лирических отступлений!) изложить содержание предыдущей лекции. Моя бедная голова была битком набита цитатами из первоисточников, как пыльное музейное чучело опилками.

Тем не менее, экзамена по научному коммунизму я боялась панически. Он был неизбежен, как и торжество самого коммунизма, но, в отличие от последнего, был приурочен к конкретной дате. И пугала меня не только напряженность в отношениях с Погребняком. Поговаривали, что профессор Сазонов, председатель экзаменационной комиссии и завкафедрой марксизма-ленинизма, на дух не выносил народ, давший миру основоположника этого вечно живого и всепобеждающего учения.

Но нет таких дат, которые не наступают. И вот я перед экзаменационной комиссией, в руках билет и я твердо знаю ответы на все три вопроса. Но, ирония судьбы! Хоть сознание у меня насквозь

коммунистическое, но материя, которая, как известно первична, взбунтовалась. От волнения я вдруг почувствовала резкие спазмы в желудке и поняла, что экзамен придется сдавать в рекордно короткие сроки, как ударный объект в подарок съезду.

– Можно я буду отвечать без подготовки? – спросила я сдавленным голосом.

Это был совершенно беспрецедентный случай. Профессор Сазонов нехорошо улыбнулся и сказал:

– Да мы вас не торопим.

И тут я, окончательно ошарашив комиссию, выпалила: «Я очень спешу», – и, не давая им прийти в себя от шока, начала отвечать. Никогда в жизни я не говорила так четко, логично, аргументировано и, главное, кратко. Ускоренный темп речи и лихорадочный блеск глаз подчеркивали мою преданность идеалам коммунизма. Ответ был настолько исчерпывающим, что мне даже не задали ни одного дополнительного вопроса. Это было актом гуманизма.